

Д.34
1962 1962

ДЕНЬ

МОСКВА 1962

ПОЭЗИИ

1979

МОСКВА

8-10

**СОВЕТСКИЙ
ПИСАТЕЛЬ**

А.34

ДЕНЬ

06.385.616

ПОЭЗИИ

Копилка,
Стирка золой.
Как в тамбуре,
Уют нежилой.
Ожиданье,
Оживанье...
И только снег, снег.
Если бы есть его можно,
Хватило б на всех.
Помню:
Вышла я на крыльцо,
Время —
Позднее-позднее.
Небо —
Звездное-звездное.
Степанида!
Куда это все бегут?
Сколько кругом народу,
Распахнутые ворота...
Как воздухом захлебнуться

С разбега!
Победа! Победа!
Что ни день
Птицами в поднебесье
Добрые вести.
Эвакуированные,
Как грачи, всполошились,
Уложились,
Уезжают,
Друг друга провожают...
Вот он,
Вот он, мой дом!..
Перекрещены
Занавешенные окна,
Сдвинутый,
Разинутый сундук,
Нежилой дух.
Ключи в чемодане
Два года вдовели.
Не заржавели.

Михаил ЛЬВОВ

УДИВИТЕЛЬНО ПРЯМОЙ

Я очень любил Колю Майорова.

Мы часто ходили — плечо в плечо — по Москве, он читал мне свои стихи, стихи могучей жизненной силы, и я чувствовал — вдобавок к тому, что восхищался стихами, — трепет юношеской привязанности и верности к более сильному товарищу, абсолютно настоящему во всем, неподдельно сильному и честному. Коля «признавал» меня — это про-низывало меня благодарностью.

Я понимаю теперь, как я плохо и несмело писал тогда, мне мешала моя провинциальная школа (в поэзии она есть)... Но, конечно, я беззаветно любил настоящее в поэзии, довольно ясно различал — в чужих стихах, — что настоящее, что нет, в этом смысле это понимание меня делало в глазах моих сильных сверстников активным и полезным «штыком» в поэзии. Я лично на этом непонимании плохого и хорошего в своей работе, конечно, потерял много времени и темпов.

Потом, я бы сказал — сжатие судеб, до предела, в годы войны, когда жизнь как бы прижала нас к железной действительности, к железной и трагической реальности, — это сжатие породило первые вскрики перед трагедией жизни, первые пронзительные строки.

Миша Кульчицкий до войны писал:

Я б запретил декретом Совнаркома
Писать о родине бездарные стихи.

Это была маяковская постановка вопроса. Так работала большая группа молодых, истинных и злых, по-честному голодавших молодых поэтов.

Коля Майоров был одним из ярчайших и сильнейших среди них. Он угас на дорогах войны.

Через двадцать лет после его гибели в «Молодой гвардии» вышла его книга «Мы», куда вошла небольшая часть того, что он написал, то, что сохранилось у друзей, у близких.

В книге помещены также воспоминания друзей поэта: Володи Жукова, Николая Глазкова, И. Пташниковой, Даниила Данина. Читаешь эти воспоминания с благодарностью. Душевно хочется поблагодарить В. Болховитинова, В. Жукова и В. Сякина, так много сделавших для того, чтобы книга Майорова увидела свет.

...Вчера на заседании редколлегии «Дня поэзии» я выпросил у Володи Цыбина эту книгу. Вернулся домой поздно. Не спится. Лежит рядом книга Коли Майорова. Тихонько зажигаю свет — боясь разбудить домашних... Листаю книгу, смотрю на снимки Коли... начинаю читать — и возвращаюсь в двадцать лет назад.

Невольные слезы, непрошенные, невызванные. Перед честностью юности, перед пронзительностью трагедии.

Эта книга — не скидка, не дань памяти, это живая, звучащая сегодня поэзия.

Книга открывается мужественным стихотворением «Мы»:

Есть в голосе моем звучанье металла.
Я в жизнь вошел тяжелым и прямым:
Не все умрет.

Это звучит как завещание. Это перекликается с лучшими традициями большой русской поэзии.

Коля любил слово «прямой» — он был прямым, точным, верным, как он сам удивительно сказал о себе:

...Где я прошел, большой, нескладный
И удивительно прямой.

Да, удивительно прямой! Таким он и остался в нашем представлении. Жизнь не согнула его — не то что не успела — может, никогда и не согнула бы. Вероятнее всего так, хотя где-то у Хемингуэя сказано, что жизнь ломает всех, что многие только крепче на изломе, что тех, кто не ломается, она убивает.

Сегодня это мне не кажется абсолютной и обязательной истиной. Во всяком случае, применительно к Коле Майорову. Я его не представляю гнущимся перед жизнью. Таким он и остается в благодарной душе ровесников и любимых...

Читаешь книгу и — живая жизненная сила торжествующе хлещет из строк. Какая жажда жизни! Жажда творчества!

Есть жажда творчества,
Уменье созидать,
На камень камень класть,
Вести леса строений,
Не спать ночей, по суткам голодать.
Не дописав,
оставить кисти сыну,
Так передать цвета своей земли,
Чтоб век спустя все так же мяли глину
И лучшего придумать не смогли.

Именно так! Искусство, настоящее произведение искусства — это то, лучше чего не придумаешь. Можно шагать дальше по тропе искусства, но лучше сделать нельзя.

Я уже как-то писал о том, что у Коли Майорова зрение было как бы цветным, он видел мир густо, красиво, в цветах, в движении, в страстях, в борьбе.

... Мир встает такой неторопливый,
Весь в цветах, глубокий, как вода.

... Мне двадцать лет. А Родина такая,
Что в целых сто ее не обойти.
Иди земель, прохожих окликай,
Встречай босых рыбацек на пути.

Штурмуй ледник, броди в цветах по горло,
Ночуй в степи, не думай ни о чем,
Пока веревкой грубой не растерло
Твое на славу шитое плечо.

«Мужество познания и выражения — это и есть литература», — прочитал я когда-то в одном из романов Томаса Манна. В стихах Майорова есть это мужество точного выражения сути вещей, явлений.

Как великолепно звучит стихотворение:

Когда умру, ты отошли
Письмо моей последней тетке,
Зипун залатанный, обмотки
И горсть той северной земли,
В которой я усну навеки,
Метаясь, жертвуя, любя,
Все то, что в каждом человеке
Напоминало мне тебя.
Ну, а пока мы не в уроне
И оба молоды пока,
Ты протяни мне на ладони
Горсть самосада-табака.

В другом стихотворении (1940) он писал:

Я не знаю, у какой заставы
Вдруг умолкну в завтрашнем бою,
Не коснувшись опоздавшей славы...

Слава, конечно, частенько опаздывает. Но та, которая приходит с опозданием, приходит надолго. Всерьез. Слава Коли Майорова слита со славой нашего поколения — вместе с ним он пришел к славе, в поэзию. С ним — со своим поколением — он утвердился в поэзии, в жизни.

• • •

